

АЛЬБЕРТ БАЙКАЛОВ

*Отречься
можно только
от лжи*

*Прошлое
всегда стоит
за твоей
спиной*

ПРОКЛЯТИЕ ИЗГНАННЫХ

КРЕСТОПОВАЛ

СОВРЕМЕННЫЙ БОЕВИК-ДЕТОНАТОР

Крестоповал

Альберт Байкалов

Проклятие изгнанных

«ЭКСМО»

Байкалов А. Ю.

Проклятие изгнанных / А. Ю. Байкалов — «Эксмо»,
— (Крестоповал)

Когда-то давно, покидая пепелище великой Российской империи, семья Угрюмовых спрятала семейные драгоценности в тайнике, оборудованном в стене дома, и поручила горничной проследить, чтобы никто не покусился на сокровища до их возвращения. Но вернуться эмигрантам на родину так и не пришлось. А вот их правнук, Виктор Угрюмов, узнал семейную тайну и решил поехать в Россию, чтобы разыскать семейный клад. Но если бы о сокровищах знал только он один! К несчастью, на драгоценности объявились еще претенденты, и поездка Виктора обернулась опасной авантюрой.

© Байкалов А. Ю.

© Эксмо

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Альберт Байкалов

Проклятие изгнанных

Пролог

Февраль 1925 г. Москва

Последние дни зимы непогода свирепствовала с особой силой. Метель, стремительно накрыв забывшийся в тревожном сне город, накрутила вдоль заборов сугробы. Редкие фонари из-за слабости электричества лишь обозначали проезд едва заметными, размытыми в темноте, дрожащими желтыми пятнами. Ветер гнал по заиндевевшей брусчатке тротуаров белесый дым поземки, завывал, словно от дикой тоски, в сточных трубах, гремел, перебирая на крышах обрывками незакрепленных листов жести, трепал чудом уцелевший на фасаде дома напротив кусок кумача.

До позднего зимнего утра оставалось совсем немного. Татьяна поставила подсвечник с догорающим огарком на полку камина, подожгла от него лежащую тут же парафиновую свечу и накрыла уже затухающий огонек небольшим тигельком. Можно было просто дунуть, как мамка на лучину дома, в деревне, но Татьяне всегда доставляло превеликое удовольствие взять двумя пальчиками за витиеватую ручку и потушить похожим на большой наперсток колпачком. В такой момент она казалась себе больше похожей на барыню, Прасковью Ивановну, худенькую строгую женщину с грустными глазами, чем на девку, дочку крестьянина Кузьмича, отдавшего прошлой зимой богу душу от чахотки. Снова взяв подсвечник в руку, она прикрыла обретающий силу лепесток огня ладошкой и развернулась. Пробежала по стене, кривляясь, гигантская тень, и при виде ее екнуло от страха сердце. Как она, такая маленькая и хрупкая, кажется большой и корявой?

Осторожно ступая, Татьяна прошла и встала у стола, глядя на видневшуюся в дверях широкую спину барина. Федор Павлович сидел на табурете в небольшой кладовой над корытом с раствором.

«Вот дела, при царе-батюшке он такой важный был, а теперича? Как солдат вчерась ему сказывал: «Кто ты есть? Барин? Нет нынче ни баринов, ни князьев. Тьфу! Плюнь и разотри. Все нынче братья и сестры либо буржуйский класс!» Вона как! Глупый тот солдат! Раньше все равно лучше жилось! – рассуждала Татьяна. – А как же дальше будет? Вот и Федор Павлович с женой своей уезжают. Собирают только то, что большевики не заберут по дороге. Остальное схоронить решили, до лучших времен. Ой! – испуганно прикрыла она рот ладошкой, словно испугавшись, что от пришедшей в голову мысли сейчас вскрикнет. – На меня порешили все оставить! А как я не справлюсь? Воры залезут или эти, как их, экспроприаторы? Приедет после Федор Павлович из-за границы, а добра его и нет!»

Неожиданно словно кто-то постучал в подоконник.

– Господи, погода совсем взбесилась! – с опаской оглянулась Татьяна на плотно закрытые шторами окна.

– Вся Россия спятила! – неожиданно вздохнул Федор Павлович, поддел мастерком немного раствора, бросил на кладку и стал разглаживать. – Как высохнет, ты, Татьяна, на два слоя побели здесь и полки приладь. Сама-то сможешь?

– Да ко всему мы приучены, батюшка, не переживайте! – слегка наклонившись вперед, махнула она свободной рукой.

– Золотой ты человек, Танюша, – с теплой тоской проговорил Федор Павлович. – И грамоте обучена, и хозяйство вести. Чай, не пропадешь у большевиков.

– Не пропаду, батюшка, и добро ваше схороню. Голодать буду, умирать, но не притронуся. – Женщина резко развернулась к висевшим в углу образам и стала креститься: – Вот те крест...

– Верю, – успокоил он ее, – потому и доверил.

Вторые сутки Угрюмов работал без сна и покоя, вслушиваясь в доносившиеся с улицы и с лестницы звуки. Сначала собрал из разных потаенных мест все фамильные ценности, которые перед красным бунтом спрятал отец, бывший коллежский советник, граф Павел Герасимович. Потом все заново пересчитал и составил опись. Золотые царские червонцы и драгоценности уложил в специально сшитые мешочки, а посуду и столовое серебро обернул в бумагу. Все это с особой заботой было упрятано за стенку, которую построил в чулане.

С улицы послышался хлопок. Потом еще один.

– Стреляют почему зря, – прошептал Федор Павлович и зачем-то перекрестился...

Стена была готова и почти не отличалась от старой. Татьяна убрала инструмент и принялась наводить порядок. Федор Павлович оглядел результаты своего труда, потом прошел по коридору и заглянул в ванную. Снова вернулся и встал напротив входа в кладовую.

– Ну-ка, выдь, Татьяна! – попросил он, склонив голову набок.

Нет, не заметно, что в кладовой задняя стенка как бы толще, чем в ванной. Тем более двери на приличном расстоянии одна от другой. Вот если разом в обе заглянуть, так тут же вскроется неладное. А так не проболтается Татьяна – никогда не найдут тайник.

Едва слышно скрипнула паркетная доска, и на пороге залы полупрозрачной тенью возникла Прасковья Ивановна. Кутаясь в шаль, она нервно прошла и села за стол. Некоторое время, не мигая, смотрела на мужа, потом передернула худыми плечами:

– Все упрятал?

– Как есть все, – устало вздохнул Федор Павлович, вытирая тряпкой руки.

– Не найдут? – продолжала расспрашивать Прасковья Ивановна простуженным голосом.

– Коли искать будут, завсегда найдут. – Федор Павлович покосился на прислугу: – Татьяна Алексеевна присмотрит.

– Присмотрю, батюшка! – сразу встрепенулась та.

– А если возьмешь да комиссарам все расскажешь, что тогда? – прищурилась Прасковья Ивановна.

– Ну, зачем ты так? – с укоризной спросил Федор Павлович. – Я еще бабку ее знавал, ведь так, Татьяна?

– Так и есть, батюшка. – Татьяна нагнулась, выжала натруженными руками тряпку над корытом, встряхнула, подоткнула подол и стала заново протирать пол.

– Верой и правдой служили семейству нашему, – снова вздохнул Федор Павлович.

– Все они служили, – скривилась супруга, – теперь вот сатане прислуживают.

– Мы не из таких, – неожиданно выпрямилась Танюша и строго посмотрела на хозяйку. – Добро помним. Знаю, как папенька Федора Павловича батюшку мово от каторги спас, так бы и не народилась я.

– Послушай! – спохватился Федор Павлович, увидев округлившийся животик Татьяны. – Ты, никак, на сносях?

– Так и есть, батюшка, – зарделась Татьяна. – К осени сподобимся. Вот вдвоем будем за вашим добром присматривать...

– А кто отец-то? – вконец растерялся Федор Павлович.

– Да есть один. – Она вдруг стушевалась и снова принялась тереть доски...

Уже рассвело, когда Татьяна закончила прибираться. Солнце бесцветным апельсином застыло в сером от печной копоти небе. Когда метель вдруг, словно выдохнувшись, враз стихла, Федор Павлович вышел в зал и с торжественным видом оглядел все свое семейство, собравшееся здесь перед дальней дорогой. Прасковья Ивановна, в длинной, до пола, шубе, перемотанная

шалами, прижимала к себе стоявшего у ее ног Коленьку. В коридоре, у выхода, рядом с нагромождением узлов, перетянутых бечевкой чемоданов и коробок, переминался с ноги на ногу дворник, который без всякого корыстного умысла взялся помочь спустить багаж до извозчика.

– Ну, что, с Богом? – сказал Федор Павлович, пытаясь говорить бодро, но дрожь в голосе выдавала его волнение. Видать, уже предчувствие недоброе было.

По лестнице спустились молча. Усадив семейство и дождавшись, когда уложат багаж, Федор Павлович обернулся последний раз к дому и перекрестил его.

До отхода поезда оставался час с небольшим. Поскрипывая копытами по снегу, покрытая кучерявым узором инея лошадь резво тащила санки по заиндевелому городу. Тоскливым и грустным взглядом окон дома провожали очередную семью русских эмигрантов.

«Вот и все, – размышлял, глядя на широкую спину кучера в теплом тулупе, Федор Павлович. – Может, и не придется увидеть мне до смерти этих заснеженных улиц, услышать скрипа полозьев по снегу. Как оно все повернуло!»

Сзади гремела резиновыми колесами повозка, запряженная ломовой лошадей. Ее пришлось брать специально под багаж, они втроем и так с трудом уместились в санках.

Федор Павлович посмотрел на сидевшего между ним и женой мальчика, заботливо прикрыл его меховым пологом. Николай вздрогнул и открыл глаза.

– Что, не привыкши рано вставать? – насмешливо спросил Федор Павлович, пытаясь, слегка понизив голос, скрыть тоску.

– Зябко, папаян, – по-взрослому вздохнул мальчуган.

– Рано выехали, – проворчала Прасковья Ивановна.

Вдруг впереди послышался крик, и почти сразу за ним выстрел.

– Тпр-рру! – натянул вожжи извозчик. Лошадь встала. Сзади фыркнула груженная багажом кобыла, и донеслись бранные слова извозчика. Прасковья Ивановна прижала мальчишку к себе и прикрыла муфтой его ухо, чтобы не слышал, как мужики бранятся...

Снова прогремели два выстрела. Раздались голоса и топот ног бегущих людей. Кучер заволновался, развернулся на сиденье и потянул повязанный на самой груди кушак:

– Вертаться, барин, надобно!

– Чего уж там, небось пьяные большевики балагурят! – нарочито бодро ответил Федор Павлович.

Неожиданно кучер отшатнулся, словно перед его лицом пролетело что-то невидимое, и стал вылезать из санок.

– Ты куда собрался, братец?

– Стой! – раздался зычный окрик, и рядом с санками возник огромного роста человек. Он был без головного убора и в распахнутом полушубке. Глаза злые, волосы растрепанные.

– Что происходит? – пропищала Прасковья Ивановна.

– Освободи сани! – прохрипел мужчина.

– Да как же можно?! – начал было возмущаться Федор Павлович, как мужчина сунул ему в лицо ствол нагана. В нос ударил резкий кислый запах сгоревшего пороха.

– Именем революции! – крикнул кто-то сбоку.

– Живее, гнида буржуйская! – вопил громила. – Раненого нам надо до лазарета свезти!

– Чего ты этой морде буржуйской объясняешь? – раздался другой голос, сзади возник еще один мужчина. Он был, в отличие от здоровяка, в кожаной куртке и фуражке и тоже держал в руке пистолет. – Что стряслось, Егор Кузьмич?

– Буржуйская морда супротив меня прет! – завыл, обдав запахом перегара, гнилых зубов и табака, громила.

– Господи Иисусе! – прижала к себе Коленьку Прасковья Ивановна.

Неожиданно громила вытянул над головой руку с наганом и выстрелил вверх:

– Доколе ждать буду?! Живо!

– А-аа! – закричал сын.

Прасковья Ивановна попыталась встать на ноги, но полог не дал этого сделать, и она упала.

– Шутки шутить вздумала?! – взревел, окончательно выйдя из себя, громила, которого назвали Егором Кузьмичом, и бросился вокруг саней. Через мгновение возникнув со стороны, где сидела Прасковья Ивановна, он грубо взял ее за грудки и поволок прочь.

– Да что вы себе позволяете! – Федор Павлович выскочил из санок и бросился на помощь жене, однако дружок громилы расставил руки и преградил ему дорогу. Но Федор Павлович был не робкого десятка, да и к труду приучен, и силой не обижен. Сшиб он комиссара плечом и устремился дальше. Прасковью Ивановну громила уже выволок из саней и бросил в снег. В тот момент, когда Федор Павлович оказался рядом, он уже тянул к себе Коленьку.

Федор Павлович, не раздумывая, двинул ему кулаком в висок. Громила охнул и отлетел под ноги к извозчику, который стянул с головы шапку, отороченную по кругу мехом, и перекрестился...

– Ах ты, каналья! – раздался за спиной возглас.

Не зная, как поступить, – то ли жене помогать, то ли сына из санок доставать, – Федор Павлович обернулся назад, увидел направленный на него пистолет и ужаснулся, ведь за спиной его Коленька в санках. Он шагнул навстречу комиссару, и показалось ему, что вдохнул он с воздухом кусочек льда, застрявший где-то в груди и вмиг уколотивший холодом прямо в сердце.

Глава 1

Штат Монтана, городок Ричард, наши дни

Сэм проскользнул в открывшиеся перед ним прозрачные двери банка. Мгновенья хватило, чтобы разглядеть стоящего в тамбуре парня в униформе сотрудника службы безопасности. Голубая рубашка с коротким рукавом, на левом кармашке которой была именная табличка, рация на поясе и электрошокер. Секьюрити окатил прошедшего мимо клиента банка ничего не выражающим, ленивым взглядом и вновь уставился в сторону улицы. Створки закрылись, спрятав охранника и Сэма за отражением бирюзового неба и расположенного напротив офисного здания.

«Господи, только бы все прошло гладко! – молился про себя в машине Виктор. – Ведь если что-то пойдет не так, мы все закончим жизнь в тюрьме или вовсе на электрическом стуле».

– Чего ты нервничаешь? – раздался с заднего сиденья голос Бэрда. Сорокалетний крепкий еще совсем недавно носил форму солдата американской армии. Воевал в Ираке, однако в один из дней его угораздило с двумя «латинос», которые вместе с отбросами из других слабо развитых стран составляли в двадцать первом веке костяк американской армии, помочиться на трупы расстрелянных боевиков. Все бы ничего, но один из дружков, сфотографировавший такой способ демонстрации величия Америки, выложил фото в Интернете. Так Бэрд, верой и правдой служивший на благо великой страны, едва избежал тюремного срока, но оказался в составе другой, не менее грозной армии безработных.

– Я не нервничаю! – огрызнулся Виктор.

– Нервничаешь, – стоял на своем Бэрд. – Я же вижу. Все русские очень нервные.

– Ты раньше видел русских? – усмехнулся Виктор и посмотрел на его смуглое лицо в зеркало заднего вида.

– Вас всегда заботит то, как мы, американцы, решаем свои проблемы...

– Почему ты говоришь, мы, американцы? – вспыхнул Виктор. – Я никогда не был в России. Мой прадед расстрелян большевиками, а дед едва уцелел.

– Но ты сам сказал, что даже думаешь на русском языке, – не унимался Бэрд.

– Ну, и что с того? – Виктор забарабанил пальцами по рулевому колесу. – Америка – свободная страна, думаю, что хочу.

– Но ты не американец! – продолжал возмущаться Бэрд.

– Я – канадец, и что с того? – чувствуя, что еще немного, и взорвется, пожал плечами Виктор.

– Нет, ты – русский.

– Хорошо, я – русский, – сдался Виктор. – Но вашей Америке всего двести лет. Вы сами сюда приехали со всего мира. У тебя почти черная кожа. Ты никогда не задумывался, может, твоих предков привезли сюда в качестве рабов из Африки!

– Повтори, что ты сказал?! – взревел Бэрд и, подавшись вперед, вцепился в подголовник кресла, на котором сидел Виктор.

– Вы можете помолчать? – не выдержал Кейси. – С минуты на минуту выйдет клиент. Не хватало, чтобы вы еще подрались.

– Не волнуйся. – Бэрд ударил Виктора по плечу ладонью: – Я люблю русских, вон как ты утер меня! Никто так не смеет говорить с Бэрдом. Конечно, я не негр, и ты это знаешь, но умеешь зацепить, – примирительным тоном тараторил он. – Ваша мафия – головная боль Америки...

– Но я никого не знаю из мафии, – развернулся на сиденье Виктор.

– Сиди тихо! – цыкнул на него Кейси.

Виктор снова уставился на двери банка, за которыми скрылся Сэм.

Сегодня Виктор со своими друзьями собрался сорвать куш. Вернее, дружки уговорили его еще раз попытать счастья и разбогатеть в один день. Одна из подружек Кейси, работающая в компании Би-Си, недавно проболталась ему, что каждую неделю месяца, в пятницу, двое их сотрудников и водитель привозят в этот банк довольно внушительную сумму наличных. Причем из оружия есть только пистолет у парня, который остается сторожить снаружи. Это всегда одни и те же люди. Месяц назад девушка показала их Кейси, и тот принялся за разработку плана, претворение в жизнь которого сулило почти миллион долларов на четверых.

– Я вернусь, ты жди... Обязательно, только пройдут дожди, – замурлыкал на заднем сиденье Бэрд, и Виктор улыбнулся. Он знал, что дружок всегда, когда нервничал, начинал петь.

Створки дверей снова разъехались в стороны, и на пороге банка появился Сэм. Он быстро сбежал по лестнице и остановился на тротуаре. В рыжем парике и с усами он был неузнаваем. Если к этому прибавить очки, то даже если Сэм попадет под все камеры наблюдения Нью-Йорка, наверняка его никто не сможет опознать. Вот он сунул руку в карман джинсов, и лежащий на панели телефон тут же издал тихую мелодию.

– Это Сэм, – бросив взгляд на определитель, выдохнул Кейси, взял лежавшую на коленях маску и наклонился так, чтобы с улицы не было видно, как он ее надевает.

– Проезжай вперед! – заволновался Бэрд.

Дозвон был условным сигналом. Дело все в том, что сидящие в машине люди из-за припаркованных у банка машин не могли увидеть подъезжавший от перекрестка «Форд», и именно для этого был придуман такой ход. Один из них должен был наблюдать за тем, когда появится машина.

Виктор проследил за взглядом Сэма. Судя по всему, машина останавливалась где-то позади них.

– Не надо вперед! – бросил он.

Сзади слышались возня и звуки, характерные при надевании масок. В салоне запахло резиной. Виктор повернулся – за его спиной сидела розовощекая свинья с изуродованным правым глазом. Дырочки на масках были очень маленькими, и поэтому на случай стрельбы их расковыряли.

Потом он снова взглянул на Сэма. В это время тот как раз смотрел на них и показывал взглядом куда-то за спину сидящих в машине дружков.

– Пошли! – скомандовал Бэрд.

Они уже отработали свои действия за городом. Все понимали друг друга с полуслова, по жестам и движениям.

Разом открывшиеся с правой стороны дверцы впустили в салон шум улицы. Бэрд и Кейси выбежали на тротуар, на ходу доставая оружие.

Послышался сдавленный крик.

Неожиданно Виктор заметил в припаркованной перед ним машине какое-то движение. Корпус джипа зашатался, и на дорогу вывалилось четверо людей в штатском. У всех в руках было оружие. Первым среагировал Сэм и закричал, показывая Кейси рукой.

Виктору сразу все стало ясно: их здесь ждали. Скорее всего, подружка Кейси рассказала все полицейским, и те устроили засаду.

– Парни, это ловушка! – быстро повернул он ключ в замке зажигания.

Неожиданно один из полицейских посмотрел прямо ему в глаза и встал перед машиной.

– У-уу! – взвыл от досады Виктор, не зная, как быть. В его обязанность входило привести дружков к банку, а потом увезти отсюда уже с захваченными деньгами. Он лучше всех водил машину, а днем раньше дважды проехал по этому маршруту. В какой-то паре кварталов стоял с ключами в замке зажигания «Форд». На нем они планировали доехать до Семнадцатой авеню, а уже там пересест в машину Кейси, взятую утром в прокат по поддельным документам. Виктору было достаточно нескольких секунд, чтобы оценить ситуацию. Зная, как работает

полиция штата, можно просчитать их действия, предшествовавшие этому захвату. Наверняка после того как подружка Кейси рассказала им о намерениях своего бойфренда, они подстроговались и нашли в команде гангстеров слабое звено. С большой долей вероятности можно предположить, что это Бэрд. Ведь в себе Виктор был уверен, в Сэме тоже. В случае ареста его ждет электрический стул за два убийства. Кейси, главарь их небольшой банды, тоже не ждет ничего хорошего после суда. Если Бэрд сотрудничает с полицией, значит, той уже известен способ отхода, и у машин, оставленных в разных частях города, уже наверняка засады.

В этот момент Сэм выстрелил в бегущего к нему парня в футболке и джинсах и тут же неестественно вздрогнул, а на его рубашке появилось несколько алых точек.

Виктор не помнил, как отпустил педаль сцепления. Полицейский с трудом отпрыгнул в сторону, а машина понеслась вперед, пересекая разделительные полосы. Чудом никого не задев, на первом же перекрестке Виктор включил левый поворот и повернул на Двадцать третью авеню. Просвистев резиной, машина понесла его к окраине города, но он знал, что так продлится недолго. Наверняка на его пути уже все экипажи полиции получили сигнал и сейчас несутся наперерез под вой сирен.

Он слабо знал этот район, поэтому, руководствуясь лишь интуицией, свернул под арку небольшого дома и оказался в стесненном камнем и бетоном двореке. Выезда отсюда не было, однако имелся небольшой проход для пешеходов, и через несколько минут Виктор был уже на соседней улице...

Дальнее Подмосковье

Ступая по украшенному россыпями желтых цветов коврику сочно-зеленой травы, выстреливающей на каждый шаг кузнечиками, Матвей подошел к палатке и поставил сумки на землю.

– Ты что там потеряла? – глядя на два торчащих из прохода палатки полушария ягодиц, обтянутых синими шортами, спросил он.

– Спальники расправила, – раздался изнутри шатра глухой голос Марты.

Смешно пятясь задом, она выползла из палатки, и Матвей помог ей подняться.

– Спасибо, – развернулась к нему всем телом Марта и чмокнула в щеку.

От прикосновения ее губ по телу пробежал разряд тока, дыхание сперло, и его вмиг переполнила волна желания.

«Скорее бы ночь», – подумал он, переводя взгляд на водную гладь озера.

Вот уже больше года Матвей не может насытиться так неожиданно свалившейся на него любовью. Марта ворвалась в его жизнь порывом ветра свежих ощущений в разгар весны. Тогда Матвей Кораблев переживал не лучшие дни в своей жизни. Шла ломка в полном смысле этого слова всех его жизненных устоев. Он был вынужден оставить армию, развестись с женой, привыкать к гражданской жизни и вообще искать новый смысл своего существования.

У Марты были пронзительно-зеленые глаза, с какой-то колдовской чертинкой в глубине, и черные, с отливом, волосы. Чувственные губы не требовали никакой помады, впрочем, как и лицо – косметики. Марта стала в его глазах самым совершенством, и он попросту не представлял себе жизни без нее. Часто в порыве нежных чувств Матвей пытался понять, испытывал ли он нечто подобное к своей первой жене. Если брать бездумные поступки и порывы страсти, то да. Но то, что он ощущал сейчас, затмило переживания прошлых лет. Однако от первого и пока последнего брака был сын, которого он обожал. По сути, именно размолвка с женой стала причиной того, что он оказался в одну из ночей на безлюдной улице, где к шедшей из круглосуточной аптеки Марте пристали наркоманы.

– Ты о чем задумался? – неожиданно отвлекла его от размышлений Марта. Она заглянула ему в глаза и потрясла за руку, смешно взявшись за указательный и средний палец.

– Не о чем, а о ком, – поправил ее Матвей.

– Удовлетвори мое любопытство! – игриво заглянула она в глаза Матвею.

– О тебе...

Неожиданно в камыше, росшем почти вдоль всего берега озера, раздался всплеск.

– Что это? – насторожилась Марта.

– Крокодил, – пошутил Матвей.

– Давай разводи костер, – испуганно проговорила она.

– Хорошо. – Матвей наклонился, взял лежавший на земле топорик и отправился за дровами.

Углубившись в лес, он стал шарить по сторонам взглядом в поисках подходящего дерева или хвороста. Для костра могли бы согнуться нижние ветки сосен. По мере роста они отмирают, а высохнув, превращаются в хорошее топливо для костра.

Боковым зрением Матвей уловил справа от себя какое-то движение и обернулся. Небольшой бурундук, едва ли чуть больше хомяка, с тремя полосками на спине, смешно подпрыгивая, вбежал на какую-то корягу и замер столбиком, уставившись на Матвея двумя бусинками глаз. Потом неожиданно резко повернул голову вбок. По-видимому, светловолосый, с серыми глазами и волевым подбородком великан, так неожиданно возникший в пределах его личного пространства, не внушил зверьку доверия, и он быстро исчез.

Матвей прошел через ерник и огляделся. На глаза попала упавшая от ветра и старости сосна. Хвоя давно облетела с торчащих вверх черных веток. Он несколько раз махнул топором, сшибая высохшие палки, собрал их в охапку и побрел обратно, когда до слуха донесся вскрик. Матвей остановился, весь превратившись в слух. В кронах вековых сосен прибоем шумел ветер, в звук которого вплеталось пение лесных птиц. Где-то стучал дятел, эхом лениво вторила ему кукушка. Но больше никто не кричал и не звал на помощь. Озеро располагалось на границе Московской и Владимирской областей, вдали от населенных пунктов, и люди сюда навещались редко. Именно за это Матвей полюбил эти места, где редко кто мог помешать наслаждаться отдыхом. Вдруг он уловил в воздухе легкий запах дымка. Они с Мартой еще не успели развести костер, выходит, где-то поблизости остановился кто-то еще. И тут же раздался громкий возглас:

– Скоты!

Озадаченный таким оборотом дел, Матвей почти бегом бросился к палатке. Марта стояла на берегу, повернувшись лицом к озеру. Лицо было напряжено, отчего он сделал вывод, что она тоже слышала крики. Когда Матвей бросил дрова на землю, Марта обернулась на звук и сказала:

– Кто-то звал на помощь.

– Уверена?

– Не знаю, – пожала она плечами.

– Я тоже слышал. – Матвей подошел и встал рядом. – Но, возможно, это просто резвятся такие же, как и мы, отдыхающие.

– Давай разводи костер. – Марта вернулась к установленному рядом с палаткой раскладному столику и стала выкладывать на него пластиковые контейнеры и свертки.

Матвей принялся вырубать топориком дерн, готовя небольшую площадку под мангал. Июнь был жарким, а верхний слой из хитросплетения сухой и зеленой травы и хвои вперемишку с прошлогодней листвой мог вспыхнуть как порох даже от небольшой искры. В его памяти еще свежи были пожары прошлых лет, когда москвичи бежали от смога куда угодно, лишь бы подальше от столицы, увозя с собой детей и престарелых родственников.

Он быстро установил на расчищенное место мангал, вдавив металлические ножки в грунт, насыпал в него для растопки мелкие ветки, придавив палками потолще, и замер, определяя направление ветра. По-прежнему тянуло с озера. Убедившись, что дым не будет нести на палатку и установленный рядом с ней столик, достал спички.

Странный, протяжный вздох, сопровождаемый хрипом, заставил снова замереть. Показалось? Да нет. Вот хрустнула ветка, раздались торопливые шаги и всхлипы.

Матвей посмотрел сначала на Марту, потом в сторону звуков и выпрямился.

– Куда ты здесь убежать хочешь, дурочка? – раздался совсем рядом мужской голос. – Кругом одни медведи и волки...

– Не надо! Оставьте меня! – с надрывом крикнула женщина.

– Чего ты из себя строишь?..

В зарослях мелких берез и кустарника что-то промелькнуло, и на полянку выскочила молодая женщина. Она была в футболке, облегающей роскошную грудь, и в красных спортивных штанах с белыми вставками по бокам. Каштановые волосы волной разметались по спине, покрасневшее личико выглядело испуганным. В больших карих глазах с длинными ресницами смятение и растерянность, смешанные с ужасом и отчаянием. Увидев палатку и людей, она встала как вкопанная.

– Здравствуйте! – поприветствовал ее Матвей, уверенный, что женщина нуждается в помощи.

За ее спиной раздался треск веток и хрипы. Услышав эти звуки, она вдруг втянула голову в плечи и бросилась к Матвею. Забежав за него, незнакомка выглянула в сторону вывалившегося на полянку огромного бугая в одних спортивных трусах и тапках.

«И почему, как что-то случается, так обязательно рядом со мной?» – с досадой подумал Матвей.

Увидев перед собой двух незнакомых людей, мужчина оторопел. Было видно, что это оказалось для него полной неожиданностью. Некоторое время громила растеряннно и зло шарил маленькими, глубоко посаженными глазками по поляне, пытаясь понять, есть здесь еще кто-то или нет, потом сглотнул слюну и кивнул Матвею, что можно было воспринять как приветствие.

– Я смотрю, вы тут весело время проводите, – размышляя, что все это может значить, протянул Матвей, разглядывая преследователя.

– Что происходит? – удивленно захлопала глазами Марта.

– Даша, – выдохнул бугай, – пошли!

– Никуда я с вами не пойду! – выкрикнула женщина, которую, как оказалось, зовут Даша. – Уходите, Леонид Геннадиевич!

– Ну что ты, в самом деле! – Пунцовый от погони и злости, Леонид затравленно посмотрел на Марту, потом вновь уставился на свою подружку: – Не видишь, люди отдыхать приехали, а ты здесь со своими принципами.

– Я не помешаю им, – заверила его Даша. – Как только вы уйдете, тоже уйду.

– Куда? – усмехнулся он. – До ближайшего населенного пункта километров сто...

– Ну и пусть, – осмелев, вышла из-за спины Матвея женщина.

– Я сказал, пойдем со мной! – Вновь темнея от негодования, бугай шагнул к Даше.

Матвей сделал шаг вперед, заслоняя ее собой:

– Я не знаю, что между вами произошло, но вижу, что эта женщина не имеет желаний уходить отсюда в вашей компании, поэтому, – сделал он рукой жест, понятный на всех языках, – проваливай!

– Эх, как мы красиво говорим! – воскликнул мужчина и двинулся на Матвея.

– Эй, стойте! – встревожилась Марта. – Почему вы так себя ведете?

Но Леонид уже ничего не хотел слышать. Вытянув перед собой руки, он попытался дотянуться до горла Матвея.

– Леонид Геннадиевич! – закричала Даша и выскочила вперед, встав между ними. – Я согласна. Я пойду... Только не надо! – Она смешно расставила руки, закрывая собой своих спасителей.

– Позвольте, – бесцеремонно взял ее за плечи Матвей и убрал в сторону.

Он сделал это так быстро, что бугай не успел ничего понять и, шагнув к Даше, оказался нос к носу с Матвеем. Его лицо исказила злость.

– Ах, ты! – Он вновь попытался схватить Матвея.

– Леонид! – повисла на его предплечье Даша.

Но обиженный мужчина уже, казалось, видел перед собой только одно ненавистное лицо Матвея. Нежданно возникший на пути заступник спутал все планы. Было видно, что Леонид относился к той породе людей, которые считали себя хозяевами жизни, а все остальные не достойны уважения и созданы лишь для того, чтобы обеспечивать их существование.

Он небрежно стряхнул с себя Дашу и снова приблизился к Матвею.

– Что вы себе позволяете?! – крикнула Марта.

Матвей, поняв, что мужчина потерял над собой контроль и его уже ничто, кроме силы, не остановит, поймал его за запястья, слегка потянул на себя, заваливаясь на спину, и броском через голову опрокинул бугая на спину.

Оказавшись на земле, Леонид на какое-то мгновение растерялся. Еще бы, только что стоял на ногах, уверенный в том, что сметет со своего пути этого парня, как тут же мир перевернулся, и вот он уже беспомощно лежит, а ненавистный заступник сидит на нем верхом.

Пользуясь замешательством, Матвей схватил не успевшего прийти в себя мужчину за подбородок и сдавил:

– В следующий раз сделаю инвалидом!

Леонид лежал, хлопая покрасневшими глазами, и тяжело дышал.

Матвей встал, отряхнул джинсы и отошел к столу.

– Ну, все. Ты у меня еще пожалеешь... – перевернувшись на живот и медленно вставая на четвереньки, процедил Леонид и, выпрямившись окончательно, пошел прочь.

– Кто это? – глядя вслед громиле, спросил Матвей.

– Обломкин Леонид Геннадиевич, мой директор...

Матвей с Мартой переглянулись и прыснули со смеху.

Уж очень фамилия этого человека соответствовала сейчас обстоятельствам. Однако реакция Дашы была совсем другой. Она вдруг громко всхлипнула, закрыла лицо ладошками и разрыдалась.

– Ну, что вы, в самом деле? – осуждающе посмотрела на Матвея Марта, взяла раскладной стульчик и поставила рядом с Дашей: – Садитесь...

Лизунов Колька, подобно жуку, попавшему в плевок, работал руками, чувствуя, как немеют плечи. Еще немного, и вот он уже погрузился с головой в тягучую и зловонную массу. Сделав над собой невероятное усилие, Колька снова устремился вверх, с ужасом понимая, что на этот рывок ушли последние силы, и теперь его ждет неминуемая гибель от удушья в этой вязкой и липкой темноте. Обреченность и страх вырвались из глотки криком. Колька даже подумал, что, не выдержав напряжения, лопнут голосовые связки, однако, к своему удивлению, услышал лишь жалобный писк.

«Неужели все?» – молнией пронеслась в затухающем сознании мысль.

Однако обреченный организм сопротивлялся, как мог. Очередная доза попавшего в кровь адреналина заставила сократиться мышцы с новой силой. Странно, но куда-то вмиг пропала непонятная и страшная субстанция. Колька вдруг увидел яркий квадрат окна, заваленный разным хламом подоконник и батарею отопления. По мере того как окружавшие предметы обретали очертания, а размытое ломкой сознание собирало по кусочкам обстоятельства его нынешнего положения, в голове появились мучительные квакающие звуки, вызывающие странное ощущение безумного дискомфорта. Так он, наконец, понял, что лежит на брошенном на пол матрасе, а в углу, правее окна, склонилась над детской кроваткой Кома. Худенькая, почти прозрачная, с жиденькими, слипшимися от грязи и пота волосиками блондинка была

без какого бы то ни было намека на одежду. Две острые лопатки, разделенные невероятно выпирающим позвоночником, делали ее похожей на увеличенного насекомого, которому оторвали крылышки. Кома лишь месяц сидит на «крокодиле», но он успел изрядно пожить ее хрупким тельцем. Вены она уже колоть не может и делает уколы внутримышечно. Худые синюшные бедра были покрыты язвами. Странно, Колька закрыл глаза, когда Кома поднялась и направилась успокаивать зашедшуюся криком малышку, а открыл, когда она лишь склонилась над ним. Ему же за это время приснился сон, в котором он успел прожить целую жизнь.

Ребенок вновь заплакал, напоминая звуками квакающего лягушонка.

– Чего тебе не хватает? – с надрывом простонала Кома.

– Ширнуться хочет, – пошутил Колька, неожиданно удивившись своему остроумию.

– Уак-ква! – вскрикивала дочь.

– У-уу! – гудела Кома, пытаясь успокоить ее. Делала она это больше из-за того, что издаваемые крохой звуки добавляли внутренним ощущениям кошмарности.

Чей это был ребенок, ни она, ни, тем более, Колька не знали. Вернее, то, что девочку родила Кома, было понятно, но кто ее отец, оставалось загадкой, и, наверное, останется ею навсегда. В каждодневной свалке разгоряченных очередной дозой людских тел участвовали десятки районных наркоманов обоюбого пола. Половина их принадлежала к мужским особям, по крайней мере, внешне. И где-то треть еще не до конца утерали репродуктивную способность. Уму непостижимо, что у Комы вообще смог кто-то родиться. Нет, врожденных недостатков и отклонений у нее не было. Еще пять лет назад хрупкая, с большими голубыми глазами Ковалева Татьяна Сергеевна встречала вместе с выпускниками столичных школ рассвет первого дня взрослой жизни, даже не подозревая, что он же станет и ее закатом. Мама не могла радоваться успехам дочери, поступившей в престижный вуз, и делала все, чтобы она ни в чем не нуждалась. Все чаще в доме появлялись развеселые компании, а в холодильнике надежно прописалось пиво и разного рода алкогольные коктейли. Ко второму курсу их сменили более тяжелые напитки, а Танечка уже узнала стоимость услуг врача-нарколога. Виня во всем напряженную учебу и стремительный темп жизни, мама продолжала вкалывать на трех работах и закрывать глаза на новые пристрастия дочери. Так, энергетические напитки объяснялись необходимостью посидеть над учебниками ночью, а таблетки – улучшить качество мыслительного процесса на сдаче сессий и зачетов. Постепенно, сама того не замечая и уверенная в том, что в любой момент может начать все заново, Таня «села на иглу», вылетев за неуспеваемость с последнего курса университета и превратившись в Кому. А в конце весны у нее «завис» Колька. Тогда она уже была беременной.

Кому увезли в родильный дом с улицы. Она была под кайфом, да и не собиралась еще рожать на седьмом месяце. Хотя, возможно, она вообще не собиралась этого делать. Уже утром Кома сбежала из больницы в казенном халате за очередной дозой, прихватив с собой два телефона соседок по палате. Кражу женщине простили из-за сложных обстоятельств. Дочь, натренированная бороться за свое существование с самого зачатия, росла на удивление крепким ребенком. Но было у нее три недостатка: она иногда кричала, хотела есть и еще ходила под себя, поскольку добраться до туалета в месячном возрасте самостоятельно пока не могла, чем сильно раздражала молодую мамашу.

Колька вновь вернулся в реальный мир и с удивлением обнаружил, что у кровати уже никого нет. Каким-то чудом материнскому инстинкту, вынужденному в наше время приспособиться под непредсказуемый нором алкоголичек и наркоманов, удалось отправить Кому на кухню, чтобы приготовить смесь. Благо подружки-наркоманки попутно с кодеиносодержащими препаратами покупали в аптеке на сдачу детское питание.

Колька ощутил новый прилив страха. В какой-то момент ему показалось, что по внутренностям провели кисточкой под напряжением. Воздух вдруг застрял в легких, а сердце замерло. Он резко сел, но тут же упал на правый бок. Прислушиваясь к своим ощущениям, закрыл

глаза, и в голове сразу словно что-то лопнуло, а по телу пробежала волна неприятного жара, оставив за собой липкий и мерзкий пот.

– Кома! – позвал он и, не дождавшись ответа, снова повернулся на другой бок: – Надо что-то делать...

– Снимать штаны и бегать! – огрызнулась девушка, каким-то чудом вновь оказавшаяся у детской кроватки.

Ребенок уже не плакал, а жадно чмокал грязной соской, надетой на невытую бутылочку. Покормив дочь, Кома попыталась выпрямиться, однако, ухватившись руками за край кроватки, так и осталась стоять, согнувшись.

– Кумарит меня! – простонал Колька и сгреб под себя простынь.

– Не тебя одного, – выпрямилась, наконец, Кома.

– У-ух! – содрогнувшись, попытался сесть Колька.

– Чего стонешь? – взорвалась она. – Иди, придумай что-нибудь! Еще немного, и загнемся.

– Может, придет кто? – с надеждой посмотрел он на нее.

– Кто к тебе придет? – продолжала злиться Кома. – Все на нуле...

– И что ты предлагаешь? Идти убивать?

– Кого ты сейчас сможешь убить? – расстроено проговорила она. – Может, твои в долг дадут?

– Мать, что ли? – не удержался Колька и разразился отборными матами. – Ты чего несешь?!

Ольга Васильевна Лизунова так же, как и ее чадо, вела асоциальный образ жизни, но, в отличие от него, считала себя своего рода интеллигентной верхушкой айсберга маргинальной части общества, плавающего в мутных и зловонных водах грехов, потому как предпочитала убежать от действительности с помощью старой русской традиционной водки. И не беда, что Ольга Васильевна давно забыла вкус настоящего напитка, заменив его разного рода спирто-содержащими жидкостями на основе денатуратов. Половина страны так живет. Причем эта половина отчего-то считает, будто именно водка обеспечивает величие русского народа.

Мыслительный процесс давался Кольке хоть и тяжело, но идеи приходили, одна изощреннее другой. Измотанный дурманом мозг, страхась усиления ломки, работал, что называется, на износ. Казалось, в такие моменты, дай не сведущему в математике Кольке самую сложную задачу и пообещай дозу, и проснется в нем потаенная гениальность. Так неожиданно из вязких воспоминаний выплыло сморщенное личико соседки матери. Варламова Анфиса Евгеньевна проживала одна в двухкомнатной квартире. Сколько Колька себя помнил, она была старой, сгорбленной, сварливой старушкой, с трудом передвигающейся по квартире и почти никогда не появлявшейся на улице, которой предпочитала посиделки на балконе. Ему казалось, что она родилась уже седой и дряхлой. Родственников у нее не было, а из гостей приходили лишь социальные работники. Пару раз, еще будучи просто хулиганистым школьником, Колька бегал по ее просьбе в булочную и аптеку. Поразили его тогда картины на стенах комнат, старинная мебель и шкапулка, из которой она доставала деньги.

«А как я про старуху-то забыл? – Неожиданно пришедшая в голову идея заставила его встать. – Одна живет, пенсию почти не тратит... Неужели по старой памяти не займет?»

Колька подспудно понимал, что идет вовсе не в долг брать, тем более что отдавать ему нечем, но не хотел даже думать о том, что решил, с ходу и без всяких размышлений, эту старуху порешить. Он как-то враз проникся к ней острой ненавистью и презрением. Заполнив его собой, эти чувства не оставили места ни для жалости, ни для страха в его пустой душе.

– Ты куда? – удивилась Кома, увидев, как Колька торопливо надевает на себя спортивные штаны с отвислыми коленками.

– Надо! – боясь тратить последние силы на ответы, бросил он.

– Принесешь? – с затаенной тревогой спросила она.

Он промолчал.

– Коля!

– Ну, чего тебе?!

– Ты не пропадай, – простонала Кома. – Плохо мне.

– Не пропаду, – пообещал Колька.

Глава 2

Штат Альберта, Канада. Наши дни

Размышляя, что на этот раз соврать деду, Виктор не спеша поднимался по широкой мраморной лестнице. На душе было тоскливо. Отчего-то всегда, когда он появлялся в стенах хосписа, ему начинало казаться, будто кто-то смотрит в спину. Несмотря на огромные окна, обилие цветов, светлые тона мрамора и пластика, здесь все казалось каким-то холодным, чужим и мрачным, так бывает, наверное, лишь в залах прощания крематориев. Каким бы торжественным ни было их убранство, человеческое отчаяние и страх незримо довлеют над всеми другими чувствами. Впитавшие горечь переживаний потолки и стены давили своей незримой массой, и ему всегда хотелось побыстрее уйти отсюда.

– Вы к Николаю Федоровичу? – спросила шедшая навстречу медсестра, проговорившая имя-отчество деда по складам и неправильно.

– А как вы догадались? – встрепенулся Виктор.

После того как на глазах Виктора в Америке погибли или были арестованы дружки, он был сам не свой. Ему казалось, будто все вокруг знают, что он и есть тот самый русский, которого разыскивает вся полиция граничащего с Канадой американского штата.

– Я не догадалась, а просто вспомнила, – улыбнулась медсестра. – Вы были месяц назад в мое дежурство.

– Месяц назад? – машинально повторил Виктор, силясь вспомнить, видел он это личико или нет. У него вновь возникло подозрение, что это сотрудник ФБР или полиции. – Раз вы уже месяц здесь, неужели не смогли научиться правильно выговаривать имя моего деда? – прищурился он.

– Я не штатный сотрудник хосписа, – окинула она взглядом холл, словно сожалея об этом, – и бываю здесь не очень часто.

– Кто вы? – напрягся Виктор.

– Волонтер, – пожала она плечами. – Мы работаем бесплатно. А что вас смутило?

– Ничего, – покачал он головой, мысленно отругав себя за мнительность.

– Вас проводить? – Девушка шагнула на ступеньку ниже, поравнявшись с Виктором, и он ощутил едва уловимый аромат ее духов и медикаментов.

– Нет, что вы! – замотал он головой, отметив про себя ее красивую фигурку.

– Как знаете, – слегка пожала она плечами и пошла дальше.

«Наверное, тяжело здесь мужской половине доживать свой век, глядя на такой жизнерадостный и сексуальный персонал», – с тоской подумал Виктор, поднимаясь по лестнице.

Деда он любил по-настоящему. Возможно, больше отца и даже матери. Николай Федорович был единственным из всех родственников, кто родился еще в далекой России. Именно он сыграл основную роль в воспитании Виктора. Конечно, в этом случае можно было свалить на старика вину и за то, что Виктор стал гангстером. Но это не так. Пополнить ряды преступивших закон людей Виктора заставила жизнь. В Канаде, где они жили, русские всегда считались людьми хоть и не второго сорта, но не теми, кому в первую очередь дают работу или продвижение по службе. Вообще отец Николая Федоровича был достаточно известным в царской России человеком. Неизвестно, как бы все вышло, не случись тогда красный переворот. В двадцать пятом он был убит. Это случилось по дороге на вокзал, откуда дед и его родители должны были покинуть поездом страну, которой верой и правдой служили долгие годы. На пути их саней ОГПУ проводило задержание членов какой-то банды. С обеих сторон были раненые, нуждавшиеся в помощи, поэтому большевики отобрали лошадей и сани, на которых ехала семья. Мать арестовали за сопротивление представителям власти и бросили в тюрьму, а деда, тогда еще семилетнего мальчика Колю, определили в приемник-распределитель. Так

бы и пошел он, повторяя судьбу миллионов мальчишек и девчонок, детей врагов народа, по этапу: приют, детский дом, ремесленное училище, да приехал в ту пору из Петрограда дядька деда и вывез мальчика сначала в Европу, а потом переправил в Канаду. Дед вырос, окончил здесь школу, стал работать на железной дороге, где и познакомился со своей будущей женой, дочерью таких же эмигрантов из России, Светланой. Жена умерла, оставив сына, отца Виктора, у которого потом тоже родился сын. Дед во внуке души не чаял и с первых же дней строго-настрого запретил разговаривать при нем на английском языке. Полгода назад Николаю Федоровичу стукнуло девяносто четыре, и он сам, втайне от родных, оформился в заведение, которое для людей на этом свете означает конец жизненного пути.

Виктор осторожно толкнул дверь и вошел в палату.

Дед, накрытый клетчатым пледом, сидел в кресле-каталке перед открытым окном и смотрел на начинающиеся за городом горы.

– Знаешь, – не оборачиваясь, заговорил он на русском языке, каким-то особым чутьем поняв, что вошел именно он, единственный внук Виктор, – я ведь никогда не был на родине. Вернее, уехал оттуда совсем маленьким мальчиком, и не то, чтобы помнить, все мне кажется сейчас страшно далеким сном. Много я видел потом русских лесов и рек по телевизору, но так и не удосужился пройтись по бескрайним полям, прогуляться по лесу, о которых мне рассказывал дядя. В детстве я тешил себя мечтами, что вернусь на родину и обязательно разыщу дом, в котором родился. Я помню просторные комнаты, высокие потолки и камин. Страшно подумать, что теперь это уже никогда не произойдет...

Слушая рассуждения деда, Виктор неожиданно почувствовал в его словах смертельную тоску.

«Неужели предчувствует что-то?» – подумал он, а вслух спросил:

– Ты как понял, что я пришел?

– Вся моя жизнь сейчас состоит из ожиданий радостей, одна из которых – твое появление. День за днем так проходит. – Дед развернулся и, подслеповато щурясь, показал ему на стул. – Сядь, мне поговорить с тобой надо.

Виктор подчинился.

Некоторое время сидели молча. Дед смотрел в окно, Виктор на репродукцию, висевшую на стене.

– Что-то случилось? – наконец не выдержал он.

– Что может у меня случиться? – грустно усмехнулся дед и окинул взглядом стены комнаты. – Муха залетит? У тебя-то как дела?

– Нормально, – уклончиво ответил Виктор.

– Посмотри, нет ли кого в коридоре, и закрой поплотнее двери, – неожиданно тихо потребовал дед, чем весьма озадачил Виктора.

– Ты нормально себя чувствуешь? – выполнив требования старика, осторожно спросил он, усаживаясь на стул.

– Как может себя чувствовать старый человек? – вопросом на вопрос ответил дед и посмотрел на Виктора таким взглядом, что тому стало не по себе, и спросил: – Скажи честно, ты не в ладах с законом?

– Почему ты так думаешь? – расстроился Виктор.

– У тебя нет постоянной работы, ты часто мотаешься в Штаты, – пожал плечами старик. – Когда возвращаешься, ведешь странный образ жизни. Думаешь, я не догадываюсь, откуда у тебя деньги? Нет, я не знаю тонкостей, – но уверен, они нажиты нечестным путем. Ведь посмотри, в кого ты превратился, – вздрагиваешь при каждом звонке или стуке... Ладно, – неожиданно махнул он сухощавой рукой. – Тебе скоро пятьдесят, надо думать о семье. В твоём возрасте люди уже обзаводятся внуками...

– Дед, у меня все нормально. – Виктор попытался смотреть Николаю Федоровичу в глаза, но взгляд сползал куда-то вниз, на ставший вдруг ненавистным плед. Ему неожиданно показалось, что, не будь этого толстого куска материи, дед сможет бодро ходить, подниматься с кровати, есть, и тогда они приедут в аэропорт, сядут в самолет и улетят в далекую Россию, страну грез. Он вдруг ощутил ту смертельную тоску, которая охватывала его, когда дед рассказывал про метели и аромат луговых цветов, о которых сам, наверное, больше знал лишь из книг Толстого и Достоевского, но сумел привить ностальгическое чувство внуку. Еще Виктора не покидало ощущение, что дед всегда что-то недоговаривал, а сейчас вдруг почувствовал, что он затеял этот разговор не просто так.

– Нормально у него все, – проворчал дед, бросив на Виктора быстрый взгляд. – Уехать тебе надо. Чувствую.

– Куда? – опешил от такого заявления Виктор.

Его удивило не само предложение, а то, что дед словно прочитал его мысли. Он действительно не знал, куда, однако и оставаться не только в Канаде, но и на всем американском континенте ему уже опасно. Наверняка дружки уже все о нем рассказали, а найти русского с именем Виктор в этой стране для полиции не проблема.

– На кого я тебя брошу? – хмыкнул он. – Матери ты не нужен, за отцом самим нужен уход.

– Зачем я, по-твоему, сюда определился? – загадочно улыбнулся дед.

– Что ты хочешь предложить?

– Я буду не предлагать, а настаивать. Поедешь в Россию.

– Что? – не поверил своим ушам Виктор. – Кому я там нужен?

– Это твоя родина, – нахмурился дед. – Наши предки жили там, наш организм веками привыкал к той воде, к тому воздуху, к тому времени, наконец!

– Зачем? – расстроился Виктор, ожидавший от деда более оригинального предложения.

Он много читал о России. Внешняя политика родины его предков была основной темой на телевидении. Эта страна представлялась Виктору чем-то вроде его друга Бэрда. Он огромный и сильный, но тупой и необразованный. Бэрд считал, что ему все можно, и лез в чужие дела.

– Ты получил прекрасное образование, отлично говоришь на трех языках. Английский тебе и вовсе как родной.

– Все равно, – пожал плечами Виктор, – не понимаю...

– Я никогда тебе не рассказывал, но, покидая родину, отец спрятал все наше состояние дома, за стенкой в кладовке... Много золота, фамильных драгоценностей...

– Ты думаешь, все это осталось? – недоверчиво спросил Виктор.

– Уверен в этом, – утвердительно кивнул дед.

Пока Марта успокаивала новую знакомую, Матвей наконец развел в мангале огонь и засыпал специально прихваченные угли. Краем уха слушая рассказ Даши о том, что привело ее к их палатке, он открыл крышку контейнера и стал нанизывать на шампуры взятое для шашлыков мясо.

– Я месяц назад устроилась в его компанию, – всхлипывая, рассказывала женщина, сидя на раскладном стульчике. – Занимаемся малоэтажным строительством...

– Это прибыльный бизнес, – нанизывая на шампур кусок мяса, удивился Матвей, – почему бы не выбрать для отдыха более приличное место?

– А разве здесь плохо? – удивленно захлопала глазами Даша. – И потом, судя по вам, не скажешь, что вы бедствуете, однако тоже выбрались именно сюда...

– Логично, – согласился с ней Матвей и, положив шампур с нанизанным мясом на специально приготовленное блюдо, взял другой. – Только я, как бы это выразиться, в общем, из этой среды вышел...

– Обломкина тоже в лес тянет, – хмыкнула Даша.
– В совокупности с увиденным здесь мною это говорит о том, что он маньяк, – пошутил Матвей.

– До этого год не могла найти приличную работу, – продолжила Даша, но Матвей перебил ее:

– А кто вы по специальности?

– Давайте на «ты»? – предложила Даша и ответила: – Вообще я архитектор, а сейчас трудно устроиться по специальности, тем более женщине. Подруга дала телефон этого, – она посмотрела на заросли кустарника, в которых недавно скрылся Обломкин. – Сказала, что нужно дается в секретарше...

– Дальше можете не рассказывать, – Матвей взял палку и разровнял сделавшиеся алыми угли.

– Нет, до сегодняшнего дня все нормально было. Он, конечно, оказывал знаки внимания, но чтобы так...

– Ты замужем? – спросила вдруг Марта.

– Живем вместе уже два года, – пытаюсь подавить новый приступ плача, перевела дыхание Даша. – Вадику сказала, будто поехала к подруге.

Матвей догадался, что мужа зовут Вадим, и у них не ладится совместная жизнь.

– Зачем ты поехала? – не выдержала Марта.

– Обломкин сказал, корпоратив. Я приехала в офис с вещами... А как оказалось, у большей части сотрудниц в выходные появились дела.

– Это как водится. – Матвей сделал вывод, что дамочка попросту сама дала повод своему работодателю и теперь пожинает плоды. – Могу предположить, что они уже успели вкусить прелестей совместного отдыха.

– Вы извините меня, – поежилась Даша. – Так некстати.

– Ничего, мы к таким поворотам привыкли, – успокоила ее Марта.

– Как это?

– У нас на отдыхе постоянно что-нибудь случается, – пояснил Матвей. – Мы люди, которые притягивают неприятности. Вот не окажись сегодня здесь, и ваш начальник не стал бы к вам приставать.

Даша рассмеялась, но тут же спохватилась:

– А вы меня не довезете до дороги?

– Это, конечно, не проблема, но что ты там будешь делать?

– Остановлю попутную машину.

– Легко сказать, – повеселел Матвей. – Вокруг на десятки километров – ни одного населенного пункта. Не всякий решится остановиться, даже ради женщины. Сейчас бандиты нередко используют вашего брата для того, чтобы остановить транспорт. Наученные горьким опытом дальнбойщики, а они здесь составляют основной транспортный поток, останавливаются неохотно. Поэтому я предлагаю вам переночевать с нами.

– Неудобно как-то. – Даша посмотрела на палатку, потом пожала плечами. – Вы ведь наверняка специально искали такое место, чтобы побыть наедине.

– Не волнуйтесь, – ответил Матвей, выкладывая на мангал шампуры.

– Ты будешь купаться? – спросила Марта, стягивая с себя футболку.

– Купальник оставила в машине Обломкина.

– Тогда присмотри за шашлыками, – попросил Матвей.

Он разделся и направился к озеру. Небольшой кусочек чистого пространства был окружен мелкими березками, которые ближе к воде сменял камыш. Растения подковой закрывали их небольшой лагерь от посторонних глаз и ветра. Дно было илистым. Щекоча кожу, в щико-

лотки стали утыкаться мелкие рыбешки. Матвей слышал, как сзади подкралась Марта, даже почувствовал, когда она наклонилась, чтобы зачерпнуть пригоршню воды, и резко повернулся.

– Ой! – От неожиданности Марта отпрянула и полетела на спину, подняв в воздух фонтан брызг.

Он шагнул к ней, подхватил ее за талию, словно пушинку, поставил на ноги, и они, войдя в воду, поплыли. Добравшись почти до середины озера, Матвей обернулся к берегу и увидел черный джип и небольшой микроавтобус, около которых стояли несколько мужчин и женщин топлес. Выделяясь среди них ростом, Обломкин что-то говорил двум крепко сложенным мужчинам, то и дело показывая в сторону Матвея рукой.

– Надо возвращаться, – проследив за его взглядом, заволновалась Марта.

– Интересно, на что рассчитывала эта Даша? – удивился Матвей. – Посмотри, там три женщины и четверо мужчин. Они заранее определились с парами.

– Она поверила, что директор попросту организовал коллективный выезд на природу, – ответила Марта, смешно, по-собачьи, работая руками.

К возвращению Матвея и Марты дошли и шашлыки. Даша оказалась неплохим знатоком приготовления мяса и вовремя их сняла. Вытеревшись полотенцем, принялись пировать. Матвей открыл бутылку и разлил по пластиковым стаканчикам вино.

– За что пьем? – вопросительно посмотрела на него Марта.

– За знакомство, – ища взглядом, на что можно сесть, пожал он плечами.

– Я заняла твой стул? – спохватилась Даша.

– Ты же гостья. – Матвей опустил на корточки и стукнул своим стаканчиком по стакану Даши.

– Я так завидую вам, – неожиданно призналась она.

– Зависть – это плохо.

– Я в хорошем смысле этого слова, – спохватилась Даша. – А вот мне в жизни не везет.

– Почему?

– Не знаю.

– А что ты подразумеваешь под везеньем? – спросила Марта.

– Взаимную любовь, например.

– Хм! – Матвей многозначительно посмотрел на Марту.

– По вам сразу видно, вы друг с друга пылинки готовы сдувать, а у меня все идет к разводу...

«Не мудрено, если при живом муже норовишь слинять на ночной пикник на природе», – беззлобно подумал про себя Матвей.

– Сколько же тебе лет? – удивилась Марта.

– Двадцать шесть, – пожал плечами Даша.

Приближающиеся шаги и голоса заставили всех троих замереть.

– Снова идет! – побледнела Даша.

– Матвей, может, уедем? – забеспокоилась Марта.

– Еще чего, – усмехнулся он, вставая из-за стола. – Если отсюда кто и уедет, то только не я.

На поляну вышел Обломкин в сопровождении кучерявого крепыша. Оба были в плавках и в кроссовках.

– Чего пришел? – напрямую спросил Матвей Обломкина. – Прощения просить?

– Видал? – многозначительно посмотрел на своего дружка Обломкин и хотел было сунуть руки в невидимые карманы, однако, вспомнив, что он без одежды, сложил их на груди: – Ты бы не лез не в свои дела.

– Вот что, дорогие гости, – всем телом развернулся Матвей к мужчинам, – я приехал сюда отдыхать, а вы мне мешаете. Поэтому даю вам шанс в течение пяти минут очистить берег от своего гнусного присутствия.

– Что и требовалось доказать, – с театральным пафосом констатировал Обломкин и снова посмотрел на своего друга: – Гера, я считаю, что этот человек перешел все границы...

Матвей уже понял: с момента их знакомства Обломкин уже принял на грудь изрядную дозу спиртного и сейчас жаждал приключений.

– Даша, пойдемте с нами, – слащаво улыбнулся кучерявый, которого Обломкин назвал Гера. – Нехорошо отрываться от коллектива.

– Она здесь останется, – ответила за женщину Марта.

– А тебя не спрашивают! – грозно нахмурил брови Обломкин.

Матвей не собирался вступать с этой парочкой в словесную перепалку. Он прекрасно понимал, что парни ищут любой повод развязать конфликт.

– Пойдемте, я вам что-то скажу. – Матвей показал на лес, начинавшийся за спинами искателей приключений, твердо решив отвести их подальше и хорошенько им навалить, однако неожиданно различил едва уловимый звук трущейся о ветки одежды, который доносился откуда-то справа, из-за спины Марты. В тот же момент с друзьями произошла резкая перемена: глаза Обломкина забегали, а взгляд сделался озлобленно настороженным.

Матвей весь превратился в слух, догадавшись, что третий член их компании пробирается в обход лагеря. Когда они купались с Мартой, он насчитал троих мужчин.

– Дарья Альбертовна, – неожиданно перейдя на официальный тон, повысил голос Обломкин, – ну простите меня, пожалуйста!

Было видно, Даша не хотела возвращаться, однако колебалась, понимая, что своим появлением испортила праздник Матвею и Марте.

– Даша никуда не пойдет! – строго нахмурила брови Марта.

– Хорошо. – Обломкин насмешливо посмотрел на Матвея и крикнул: – Радик!

Раздался треск, и из-за спины Марты появился третий член команды с помповым ружьем в руках.

– Ну, что, – не спеша подошел к столу Обломкин, бесцеремонно взял с блюда шампур с нанизанным на него мясом и протянул Гере, – шашлык будешь?

Дружок покачал головой и посмотрел на Дашу:

– Хватит ломаться, пойдем с нами.

Даша втянула голову в плечи и шагнула к нему.

– Постой! – Матвей подошел к столу, сгреб оставшиеся шампуры и протянул ей: – Возьми, подруг угостишь.

Его действия были до того нелепыми, что ввели всех в ступор. Даже Марта открыла от удивления рот. Но в следующий момент все встало на свои места. Матвей взял тарелку и запустил ее в голову Радика. Тот закрылся ружьем. Ударив краем в ствол, тарелка отлетела к ногам Обломкина. Но Матвею только это и надо было. На какое-то мгновение Радик поднял вверх ствол, который до этого был направлен в спину Марте, и еще какое-то время наслаждался произведенным на дружков впечатлением, мол, смотрите, какой я ловкий. Невдомек ему было, что это хорошо продуманный тактический ход. В следующий момент Матвей метнул шампуры в лицо Обломкину, а сам шагнул к Радика. Оказавшись от него на расстоянии вытянутой руки, схватил правой рукой за цевье и дернул на себя, одновременно двинув ногой бандиту в пах.

– Ну что, кто за шашлык платить будет? – глядя на корчившегося на земле Радика, спросил он Обломкина.

От напряжения Радик сделался лиловым, а на лбу и шее вздулись вены толщиной в палец.

– Ты чего, урод, делаешь? – разведя руки в стороны, Обломкин глядел себе под ноги на рассыпанные в траве шампуры.

– Чем патроны заряжали? – пропустив его слова мимо ушей, спросил Матвей и, подмигнув Марте, привычным движением дослал патрон в патронник.

– Урод! – обретя дар речи, выдал наконец из себя Радик.

Матвей между тем направил ствол под ноги Гере и надавил на спуск. Грохот выстрела и вскрик заставили бандита подпрыгнуть. Картечь или крупная дробь ударила по траве.

– Ты чего, сука?! – округлив глаза, взвыл Гера.

Матвей снова потянул за цевье. Стреляная гильза вылетела на землю, уступив место новой.

– Последний раз спрашиваю, кто за шашлык платить будет? – направил он ствол уже в Обломкина.

– Сколько ты хочешь? – выкрикнул тот.

Матвей вопросительно посмотрел на Марту.

– Пусть проваливают, – устало махнула она рукой.

– Слышал? – Матвей вновь перевел взгляд на бандита.

Тот выразительно кивнул.

– А ружье? – поднимаясь на ноги, простонал Радик.

Ничего не говоря, Матвей подкинул «Мойсберг», ловко поймал его за ствол, размахнулся и забросил далеко в озеро.

– Ну и гад же ты, – следя за полетом оружия, вздохнул Обломкин.

– Пока достанете, охладитесь, – миролюбиво заметил Матвей.

Радик наконец встал и начал пятиться задом. За ним последовал Обломкин, потом Гера.

– Что теперь? – спросила Марта.

– Собирайся, здесь уже делать нечего.

– Уверен?

– Это все из-за меня, – вздохнула Даша.

– Кстати, – спохватился Матвей, – твои вещи остались у них?

– Черт с ними! – бросила Даша.

– Ничего подобного, – покачал головой Матвей и с решительным видом направился вслед за скрывшимися в кустах мужчинами.

Колька вошел в подъезд и остановился, дожидаясь, пока глаза после яркого солнца привыкнут к полумраку. Да и дорога через гудевшую, словно рассерженный улей, Москву отобрала немало сил. Он с трудом перенес поездку на метро. Каждое мгновение ему казалось последним. После приступов панического ужаса накатывалась апатия, которая сменялась вспышкой немотивированной ярости. Его раздражало абсолютно все. Выводили из себя громкие голоса пассажиров, вой электричек, стук колес. Кольке то начинало казаться, что в противном воздухе, загоняемом в подземку, исчез кислород, и он с усилием делал глубокий вдох, отчего тут же начинался приступ головокружения, и в глазах темнело. С трудом добравшись до Сокольников, он решил, что если не найдет, чем ширнуться, обратно попросту не поедет, поскольку дороги больше не перенесет.

Где-то вверху раздался стук дверей. Загремел, отцелкивая этажи, старый лифт. Вслушиваясь в звуки, Колька стал медленно подниматься по лестнице, с трудом переставляя ноги по выеденным временем и подошвами мраморным ступеням. Осторожно тронул и провел ладонью по прохладному дереву перил. На какое-то мгновение отступило странное, болезненное оцепенение, и он особенно отчетливо вспомнил, как сбегал по лестнице во двор в далеком детстве, как мать, тогда еще не спившаяся и не огрубевшая, инженер электромеханического завода, звала его с балкона на обед...

Сверху послышались шаги. Он поднял взгляд. Навстречу спускалась девушка с собачкой на руках. Колька отступил к стене. Она прошла мимо, обдав его запахом духов и благополучия. Отчего-то он испытал желание догнать ее и толкнуть в спину... С трудом пересилив себя, Колька продолжил свой путь к обрыву. Вообще вся его жизнь после первой выпитой бутылки портвейна в седьмом классе была дорогой в никуда. Постепенно спиваясь, Колька прожигал

жизнь сначала в пьяном, а потом в наркотическом угаре. Умерли или доживают свой век закадычные дружки Валет, Прошка, Кизя и Мирон. Одни от водки и героина, других разложил изнутри «крокодил», превратив в разваливающиеся на части зловонные трупы. Оставшиеся уже не надеялись дожить до конца года, потому что разучились даже надеяться.

За размышлениями Колька не заметил, как оказался перед знакомыми двустворчатыми дверьми. Оглянувшись на лестничный марш, он протянул руку к кнопке звонка, но вдруг вспомнил, что у него даже нет плана, как убить старуху. Несмотря на это, приступ новых ощущений все равно толкал вперед, не давая даже сосредоточиться, и он воткнул палец в черную, с небольшим углублением, пуговицу.

Бабка открыла двери и некоторое время не могла узнать его. А он стоял и молчал, тупо глядя в подслеповатые, выцветшие глаза, подернутые маслянистой поволокой старости.

– Вам кого? – наконец проскрипела она.

– Не узнали? – спросил Колька, с ужасом поймав себя на мысли, что не помнит, как зовут соседку.

– Коленька! – воскликнула Анфиса Евгеньевна, открывая двери шире. – Я тебя не признала. Заходи!

Колька шагнул через порог. Запах дешевых духов, так любимой старухой герани, нафталина и дерева вызвал трепет.

– Здравствуйте! – кивнул он. Вмиг потяжелевший взгляд сполз на сморщенную, похожую на куриную, шею.

– Ты пойдешь в комнату! – засуетилась старуха. – Чего в коридоре у дверей стоять? Да не разуйся! – остановила она Кольку, увидев, что он пытается стянуть ногой кроссовок.

Осторожно ступая, Колька прошел в зал и остановился у старинного круглого стола, не решаясь сесть. Старинные шкафчики, диван, мраморная полка над давно ставшим просто украшением камином, на которой стояла заветная шкатулка. Колькин взгляд в буквальном смысле прилип к этой коробочке с замысловатыми узорами из белого металла.

– Как мать поживает? – спросила старуха. – Не болеет?

– Нет, – замотал он головой, но тут же кивнул: – Вернее, да.

– Я ее почти не вижу, – на секунду задумавшись, ответила бабка. – Из дома редко выхожу. Она ведь выпивать стала.

– Выпивать, – через силу улыбнулся Колька. – Спилась!

– Ох, уж эта жизнь, – покачала головой старуха. – А раньше такая женщина видная была.

– Вы давно мать знаете? – стараясь скрыть тряску рук, спросил Колька, лихорадочно соображая, как вынудить старуху рассказать или показать, где она хранит свои сбережения. Конечно, может, и в шкатулке, но настораживало, что стоит она на видном месте, а пенсионеры – народ недоверчивый, вдруг там лишь мелочь на хлеб да сахар?

– Да я не только мать твою знаю, бабушку помню, Василису, – продолжала между тем старушка. – Дружили мы с ней. А отец твой мальчонкой еще тогда был.

– Значит, вы здесь давно живете? – как бы невзначай осмотрелся Колька.

– С самого рождения, – подтвердила старуха. – Страшно подумать, девяносто лет!

– Вам девяносто лет? – не поверил он.

– Мать моя здесь жила. А до революции она домработницей была у знатных людей. Они за границу бежали, а ее тогда уплотнили. Досталась нам маленькая комната, – бабка махнула рукой за спину. – Там и жили до войны. Потом здешний жилец сгинул. Больше к нам никого не подселяли, да и как подселишь, если отец в НКВД работал? Не последний человек был. – Она с ностальгической любовью перевела взгляд на пожелтевшие фотографии в рамочках, на которых были запечатлены люди в довоенной форме и с погонами. – У самого Судоплатова в войну приказы получал! – продолжала хвалиться старуха.

Колька слушал ее краем уха и кивал, не имея представления, ни кто такой Судоплатов, ни что такое НКВД... В голове пульсировала кровь, в ушах шумело, а воздух приходилось выталкивать из легких с усилием. Неожиданно внутри у него снова все съежилось, замерло. Он с трудом подавил в себе желание зарычать, чувствуя, как от напряжения после озноба на лбу выступила испарина.

– А мамка моя тоже все в наркомате, в машбюро, – продолжала вспоминать старуха, все больше и больше приводя Кольку в бешенство. – Господа, на которых до революции работала, грамоте ее обучили наравне со своими детьми. Так она даже французский язык понимала. Во как! Ой, господи, – встрепелась вдруг бабка, – а ты зачем пришел-то?

– Вы не могли бы мне занять? – Колька замялся, не зная, сколько просить.

«Какая разница?! – неожиданно спохватился он. – Главное, чтобы она выдала, где хранит свои гробовые!»

– ...Триста рублей, – договорил он.

Старуха продолжала стоять, глядя ему в лицо.

– Что? – решив, что она не расслышала, спросил Колька и тут увидел, как потемнел ее взгляд, а ставшие вмиг бездонными зрачки расширились.

– А ты ведь совсем не за этим пришел! – изменившимся голосом сказала она, пятясь к старинному шкафу.

Такое поведение бабки взорвало Кольку ненавистью. Он шагнул вслед за ней и толкнул двумя руками в костлявую грудь. Бабка вскрикнула, отлетела назад и упала на спину, широко открыв беззубый рот, напомним чем-то Кольке дочь Комы. В следующий момент он шагнул вперед и с силой ударил ее ногой в бок.

– А-аа! – жалобно закричала старуха.

Испугавшись, что сейчас ее услышат, он упал на колени, схватил ее за шею и сдавил.

– Гхы! – вырвалось из старухи со слюной, которая попала ему на лицо и одежду. Несмотря на свой тщедушный вид, бабка вдруг с силой ухватила его за запястья. Ее ногти впились в кожу.

Холодея от ужаса, Колька приподнял ее и с силой приложил затылком об пол.

Старуха зажмурилась, вмиг сделавшись похожей на моченое яблоко, а он еще раз двинул ее затылком об пол. Руки ее безвольно упали вдоль туловища, однако она была не только жива, но и в ясном уме. Он понял это, когда бабка открыла глаза. Было в них отчаяние и покорность неизбежному концу.

Колька хотел приложить ее еще раз, но силы покинули его. Тогда он решил чуть передохнуть. Оторвав левую руку от шеи, закрыл старухе ладонью глаза, однако не удержался и рухнул рядом. Так и лежал, приходя в себя и готовясь к дальнейшим действиям.

– И-ии! – пропищала Анфиса Евгеньевна, отчего у него по спине пробежали мурашки. Он не понял, как оказался на ногах, шагнул к шкафчику и рванул на себя дверцу. Схватив в руки массивную вазу, поднял ее над головой и бросил в ненавистное лицо, но промазал, ваза с грохотом врезалась в пол рядом с головой. Анфиса Евгеньевна лишь на мгновение зажмурилась и вновь открыла глаза. Кольке вдруг показалось, что она кривляется, дразня его. Тогда он подпрыгнул и приземлился двумя ногами ей на грудь. Раздался хруст и вскрик. Не удержавшись, он со всего размаху рухнул на пол. Тут же перевернулся на живот и встал на колени. Бабка стала хрипеть, со свистом втягивая в себя воздух.

– Сука! – взвыл Колька, чувствуя, как в жилах стынет кровь.

Ухватившись за подлокотник кресла, он поднялся. У него вдруг возникло желание броситься прочь из этой квартиры, но вмиг налившимся свинцом ноги словно прилипли к полу.

Пошатываясь, Колька направился в соседнюю комнату, ища, чем добить на удивление живучую старуху. Здесь стояла кровать с уложенными одна на другую подушками, на которых лежала кружевная накидка, у стены – ножная швейная машинка и комод. На глаза попался старый уют с намотанным на ручку проводом. Он взял его двумя руками и вернулся в зал.

Каково же было его удивление, когда он увидел, что бабка умудрилась после всего еще и встать. Навалившись двумя руками на стол, она с ненавистью и презрением смотрела на него широко открытыми глазами, пряди седых волос свисали вниз. Колька шагнул к ней, и в этот момент последние силы покинули ее. Ноги подкосились, и старуха завалилась на пол, гулко ударившись головой о паркет. Колька подошел ближе, прицелился и двинул ей острием утюга в висок. Леденящий звук лопнувшей скорлупы и резкий запах крови вызвали у него приступ тошноты. С трудом сдерживая рвотные позывы, он отбросил утюг в сторону, встал на четвереньки и пополз прочь, уверенный в том, что, если бабка и на этот раз осталась живой, он больше не притронется к ней пальцем.

В себя Колька пришел, когда уткнулся теменем в шкаф. Некоторое время размышлял, что делать дальше, потом встал. Ноги ходили ходуном, глаза застилал пот. Он рванул на груди майку, надеясь порвать материал, противно прилипший к груди. В этот момент ему на глаза попала уже знакомая шкатулка. С опаской оглянувшись на продолжавшую лежать на полу старуху, он схватил ее, сунул под майку и устремился к двери. Однако на половине пути вдруг понял, что так ее нести нельзя, и повернул на кухню. Стол, две табуретки, небольшой холодильник... Он рванул на себя одну, затем вторую дверцу навесного шкафа. Здесь стояли разные банки и лежали пакеты с крупой и макаронами. Тогда он развернулся к холодильнику. Там лежал пластиковый пакет с курицей. Вытряхнув ее на пол, сунул в пустой пакет шкатулку. Однако и на этот раз передумал бежать. А вдруг в ней ничего нет?

Колька подошел к столу, поставил на него шкатулку и открыл. Несколько купюр номиналом в пять тысяч рублей обожгли взгляд.

– Живу! – выдохнул он, выгребая трясущимися руками деньги вместе с простенькими колечками и бусами.

Глава 3

Виктор оглядел улицу. Освещенная через равные промежутки фонарями, она была безлюдна. Росшие вдоль дороги деревья в это время казались оставленной на сцене декорацией. Одинаковые ухоженные лужайки перед домами, подстриженные газоны и чистые тротуары делали городок Ричард каким-то ненастоящим, больше похожим на гигантский макет для подготовки будущих мэров. Даже небо с застывшими звездами больше походило на купол с сотнями мелких лампочек. В отличие от Америки, население Канады казалось более дисциплинированным. С наступлением темноты здесь затихала жизнь, не проносились машины, не бродили стайки подростков, не приставали проститутки.

Осторожно ступая, Виктор направился по выложенному плиткой тротуару.

Мысли блуждали вокруг того, о чем рассказал дед. Как оказалось, в Москве, в квартире, которую некогда занимали его родители и где был спрятан клад, все это время жила сначала служанка по имени Татьяна, а потом ее дочь Анфиса. Это удалось узнать через одного знакомого деду эмигранта, который вернулся в Россию в начале девяностых годов прошлого века. Он не знал о существовании клада, просто выполнил просьбу проведать людей, которые теперь живут в квартире Угрюмовых, и, если они имеют какое-то отношение к Татьяне Алексеевне, передать низкий поклон от бывших хозяев этого дома. Как удалось выяснить, из четырнадцати комнат дочь служанки Татьяны занимает только две. По описаниям знакомого, она жила именно в той половине квартиры, где находится чулан с тайником. Дед не знал, известно или нет восьмидесятисемилетней Анфисе о существовании клада, но само ее присутствие в доме, а также то, что она хорошо знает, кому прислуживала ее матушка, вселило в него уверенность, что Татьяна, а после ее смерти дочь, сдержали данное господам слово... Виктор поначалу в этом сильно сомневался и пытался убедить деда, что за все это время ничего не стоило присвоить богатства, но тот стоял на своем и твердил одно:

– Она перед Богом поклялась, а для тогдашнего русского человека нет ничего святее...

За размышлениями Виктор не заметил, как оказался за домом. С этой стороны располагалась небольшая конюшня, в которой дед когда-то держал лошадей. Времени прошло много, но стены деревянных загонов еще хранили запах. Оглянувшись по сторонам, он взялся за верхний край ограждения и перемахнул во двор. Особо Виктор пока не волновался. Если его ждут, то только в доме. Не станет же полиция выставять людей на всех направлениях.

Он прошел мимо сарая и гаража и оказался перед черным ходом в дом. Сунул руку в карман брюк, достал ключ, который дал дед, осторожно вставил его в замочную скважину и повернул. Нашупав ручку, медленно потянул дверь на себя. Почти одновременно темноту разрезал красный луч света, а где-то в глубине дома загудела сирена. Виктор замер, пытаясь понять, что все это значит. Дед не говорил ни о какой сигнализации.

«Стоп! – осенило его. – Как я сразу не догадался! Ну, конечно, оставив в доме группу захвата, полиция утыкала все возможные направления проникновения в дом лазерными датчиками! Как же быть?»

Неожиданно наверху что-то упало. Больше повинувшись желанию заставить замолчать сирену, нежели разуму, Виктор шагнул в коридор и захлопнул за собой двери. Сирена замолкла. Однако раздались отчетливые шаги. Кто-то направлялся из гостиной в его сторону, и в темноте мелькнул свет фонаря.

– Сработал датчик движения черного хода, – раздался взволнованный мужской голос.

«Будь осторожен, группа выезжает, одновременно отправили к тебе на помощь экипаж «двенадцать сорок», – захрипела радиостанция. – Будет через семь минут...»

Виктор понял, что в доме один полицейский, и облегченно перевел дыхание. У него есть семь минут, чтобы забрать накопленные дедом деньги.

Он прошмыгнул в конец коридора и притаился справа от дверей, через которые, по логике вещей, должен пройти в коридор сотрудник полиции. Шаги стихли где-то совсем рядом. Яркий луч фонаря через двери осветил стену.

– Эй! – раздался настороженный мужской голос. – Есть здесь кто?

«Что делать? Может, он решит, что сигнализация сработала ошибочно? Нет, если продвинул в технике, то понимает: контактные выключатели на лазерных принципах почти не врут. Они не срабатывают на движение мыши или мухи, только на размыкание... Значит, до приезда подмоги он не решится сюда войти! – пришел к выводу Виктор. – Как же его нейтрализовать?»

Понимая, что теперь ему не выйти из своего убежища, поскольку он тут же окажется на виду полицейского, продолжающего освещать дверной проем, Виктор рискнул пойти на обман и прикинуться соседом, который в отсутствие деда проявил бдительность.

– Кто в доме?! Выходи! У меня ружье двенадцатого калибра! Я вмиг порву тебя в клочья! Моя жена уже вызвала полицию! – стал выкрикивать он, размышляя, ставила полиция в известность соседей о засаде или нет.

– Я сам полицейский! – раздался голос. – Кто вы?

– Какой вы полицейский? – повысил голос Виктор. – Проникли в дом к беспомощному старику!

– Я – полицейский, мое имя Викки. Выйдите из укрытия!

– Я буду стрелять! – входя в образ, с негодованием выкрикнул Виктор. – Меня просили присмотреть за домом! Положите оружие на пол, считаю до трех! Раз!

– Смотрите. – Свет фонаря дернулся и стал приближаться. – Я выхожу...

– Два!

Виктор торопливо снял с металлического прута тряпку и осторожно высунул его из-за косяка. Пусть думает, будто это ствол винчестера. Если хорошо разбирается в оружии, не станет больше испытывать судьбу. Чувствовалось, что полицейский стоял на расстоянии вытянутой руки.

– Клади оружие! – во всю глотку заорал Виктор, пытаясь понять, сколько времени осталось ехать экипажу патрульной машины.

– Все! Успокойтесь! – залепетал полицейский. – Кладу пистолет на пол.

Свет фонаря сполз со стены к полу, и раздался едва уловимый звук уложенного на пол металлического предмета.

– Двигай его ногой ко мне! – приказал Виктор.

Полицейский поддел пистолет ногой, он покатился по полу и ударился о стенку.

– Фонарь в потолок! – воодушевленный успехом, отдал Виктор следующую команду.

Свет со стены скользнул вверх. Виктор вышел из укрытия, наклонился, взял «Кольт» и направил его в полицейского, который наверняка видел лишь его силуэт.

– Ко мне спиной!

Полицейский развернулся, держа руки поднятыми вверх. Виктор шагнул к нему и наотмашь двинул импровизированной дубинкой по затылку. Однако то ли удар был недостаточно сильным, то ли блюститель порядка оказался крепким парнем, но фонарь полетел на пол, а сам он вдруг резко наклонился и с криком бросился в глубь дома.

– Ну и пусть! – обрадовался такому развитию событий Виктор и выстрелил в потолок.

Полицейский обо что-то споткнулся. Тут же раздался грохот рухнувшего на пол тела и причитания:

– Не убивай меня, я ведь ничего тебе не сделал!

Но Виктор уже не слушал его, бросившись к ведущей наверх лестнице, освещая фонарем перила и опоры. Первая, вторая, третья... Стоп!

Он зажал липкий от вспотевших ладоней фонарь зубами, взялся двумя руками за деревянную шишечку и стал крутить. Сначала она поддавалась с большим трудом, но потом пошла легче и наконец открутилась полностью. В образовавшуюся пустоту он сунул два пальца и нащупал свернутые в тугой рулончик купюры. Дед сказал, что там по меньшей мере двенадцать тысяч долларов. Виктор зацепил ногтями веревку и вытянул деньги. Есть! Зажав их в кулак, он зажмурился. Теперь его ничего не держит! Он сможет не только раздобыть хорошие документы и уехать из страны, хватит даже на первое время жизни в России. Однако через мгновение радость сдуло мыслью о том, что он еще не выбрался с ранчо и не ушел из городка, а сюда на всех парах мчатся полицейские. Свободной рукой Виктор взял фонарь, развернулся и едва поставил ногу на ступеньку ниже, как с размаху налетел на человека. Раздался лязг зубов, в которые он врезался лбом, и вскрик. Его тут же схватили за плечи и мотнули в сторону, потом в другую, при этом он сильно ударился левым боком о перила, а правым о стену.

– Ух! – вырвалось у него. Оказывается, пока он, потеряв бдительность, возился с тайником, полицейский окончательно пришел в себя, тихо поднялся с пола и подкрался по лестнице. Ему не хватило секунды, чтобы схватить или огреть Виктора по голове.

Чувствуя, где у блюстителя порядка подбородок, Виктор запрокинул голову назад и с силой врезал лбом полицейского. Тот оступился и полетел на спину. Виктор машинально разжал руки, выронив фонарь и деньги. В следующий момент спина блюстителя порядка встретилась со ступенями, а Виктор рухнул на него сверху, затем поднялся на выпрямленных руках. Полицейский на спине продолжал катиться вниз головой по лестнице. Рассеянный свет лежащего у стены фонаря позволил увидеть его лицо. Не теряя больше времени даром, Виктор несколько раз двинул по нему кулаками. Скатившись на пол, полицейский замер. Виктору казалось, что прошла целая вечность, и за это время не то что патрульный экипаж – к дому деда съехала вся полиция штата. Он схватил фонарь и осветил вокруг себя. К счастью, деньги лежали у последней ступеньки. Подхватив их, он бросился к выходу, на одном дыхании пролетев коридор, плечом толкнул двери. По ушам ударил вой приближающейся к дому сирены.

«Все, меня здесь ничего не держит, – несясь что есть силы прочь, думал он. – Если удастся добраться до России, в храме Христа Спасителя всем святым поставлю свечки!»

* * *

Матвей открыл глаза и прислушался. Пробуждение наступило не от того, что организм отдохнул, оно стало следствием тревоги, вызванной непонятной пока причиной. На улице было светло. Где-то совсем рядом куковала кукушка, на лугу, начинавшемся за лесом, пели жаворонки.

Накануне, поразмыслив, они все же решили остаться до утра. Причиной этому было выпитое вино. Матвей сходил в лагерь Обломкина и забрал Дашины вещи. Особо никто этому не препятствовал.

Как стемнело, Дашу они уложили в джипе, а сами легли в палатке.

Матвей медленно сел. Марта сладко спала, подложив под щеку кулачок. Он едва удержался, чтобы не поцеловать ее в висок, над которым закрутилась прядь волос, и стал осторожно вытаскивать руку из спальника, но вдруг замер, различив донесшийся снаружи хруст ветки и чей-то вздох. Окончательно убедившись, что пробуждение было не случайным, он весь превратился в слух.

– Тише, в машине кто-то есть! – раздался едва уловимый шепот.

«Кто это может быть?» – Матвей восстановил в памяти лица хулиганивших дружков Обломкина. Когда он пришел к ним в лагерь за вещами Даши, все они не только уже присми-

рели и успокоились, у главного виновника переполоха и вовсе в глазах читалось раскаяние. Матвей даже порадовался за него, решив, что еще не все для этого человека потеряно. Кто может сейчас красться к их палатке? Снова хрустнула ветка, прощуршала трава. Звуки донеслись со стороны стоявшего в нескольких метрах джипа. Так или иначе, но Матвей был уверен – выбираться через проход опасно. Если издававшие звуки люди пришли с нехорошими намерениями, они контролируют выход, который, ко всему, не открыть без шума, так как водоотталкивающий материал палатки сильно шуршал.

Матвей осторожно запустил руку под коврик, на котором лежал спальный мешок, нащупал рукоять ножа-мачете. Наличие под рукой предметов, при помощи которых можно обеспечить свою безопасность или облегчить ситуацию в случае стихийного бедствия, вошло в привычку еще со службы в ГРУ. В карман шортов сунул травматическую «осу» и, подняв мачете, слегка дунул в лицо Марте. Она зажмурилась, сладко чмокнула губами и открыла глаза, собираясь потянуться, но тут же замерла, увидев, как Матвей приложил палец к губам. За год совместной жизни она научилась понимать его не только с полуслова, с одного взгляда. Это редкое свойство присуще в основном бойцам спецназа, сросшимся во время совместных занятий и специальных операций. Иногда казалось, что даже мысли в группе работали на одной частоте. Стоило одному заметить что-то важное, как остальные тут же поворачивали голову в этом направлении.

Матвей осторожно перебрался к тыльной стенке палатки и прислушался.

– Баба! – раздался шепот.

– Обломкин сказал, здесь их две...

– В палатке...

Много ума не надо, чтобы понять – Обломкин вчера лишь прикинулся раскаявшимся. Как и большинство людей его категории, он оказался мстительным. Судя по разговору, смысл которого Матвей сложил из мозаики обрывков фраз, появившиеся сейчас здесь люди не были участниками произошедших накануне событий. Значит, обиженный директор компании вызвал подкрепление из столицы. Ничего удивительного в этом не было. Матвей прекрасно знал, что большинство мелких фирмочек являются либо производными преступных группировок, либо находятся у них на довольствии. Вчера он унизил руководителя в глазах подчиненных, и тот наверняка решил показать всем, чего он стоит.

Матвей поймал ткань двумя пальцами, а к образовавшейся складке приставил лезвие и повел вниз.

Мгновение, и палатка получила запасной выход, расположенный напротив основного. Он просунул в него руку и бесшумно выбрался наружу. В этот момент раздался удар по стеклу машины:

– Подъем!

Матвей выпрямился и шагнул вправо. Мгновения хватило, чтобы оценить обстановку. Бандитов, по закону жанра, оказалось трое. Один стоял у машины, двое склонились над входом в палатку. Появление Матвея было для всех сродни появлению отца Гамлета на фоне российского пейзажа. Все застыли с выражением безграничного изумления на лицах и не мигая, округлившимися глазами смотрели на молодого, по пояс обнаженного мужчину с похожей на турецкий ятаган саблей в правой руке. Один, тот, что ближе, рыжий крепыш, тряхнул головой. Матвей, привыкший еще в армии давать имена даже ориентирам, сразу обозвал его про себя Рыжим.

– Опа! – вырвалось у длинного, с огромным, в половину лица, носом, парня, который застыл у машины. Он и не подозревал, что с этого момента стал Носом.

– Ты? – то ли спросил, то ли констатировал третий член команды, невысокого росточка, худенький паренек с редким белесым пушком на голове, похожий скорее на школьника, рано

ставшего употреблять наркотики, чем на взрослого мужчину. Ему Матвей с ходу дал прозвище Дохлый.

– Для продолжения конструктивного диалога рекомендую вам отойти от палатки. – С этими словами Матвей поднял острие мачете выше, так, чтобы его было видно всем участникам диалога, а в Дохлого, увидев в нем самое слабое звено, направил травматическую «Осу».

– Парни, он сумасшедший! – простонал Дохлый, подтверждая правильность выбора Матвея. Бедняга испуганно вглядывался в четыре внушительного калибра ствола. По тому, как стали дергаться его колени, Матвей догадался, что он был знаком с грозным оружием.

– Парень, ты пушку-то опусти! – неожиданно потребовал Рыжий.

Матвей шагнул через мелкий кустарник, перепрыгнул веревку растяжки и оказался на расстоянии вытянутой руки перед ним:

– Опушу, только для начала требую объяснения, кто вы и что здесь делаете?

– Шли мимо, – открыл было рот Рыжий, но Нос не дал ему договорить:

– Мы отдыхать приехали, место искали...

Матвей понял, что парни нагло врут, но виду не подал. Не мог он сейчас их проучить, не та ситуация. По сути, они деморализованы и напуганы. Выходит, преимущество за ним, но это все равно что бить лежачего. Поэтому, давая принять ситуации нужный оборот, он опустил мачете и миролюбиво кивнул:

– Хорошо, отдыхайте. Только не здесь.

– Так мы здесь и не собирались, – медленно выпрямляясь, облегченно вздохнул Рыжий.

Дохлый перестал трястись, затравленно посмотрел на Носа и отступил от палатки. В это время в окошке джипа появилось испуганное заспанное лицо Даши. Глядя на незнакомых людей и вооруженного Матвея, она виновато хлопала глазами. По виду девушки было ясно, что она давно разбужена доносившимися с улицы звуками, просто не осмеливалась выглянуть раньше.

Матвей сделал ей знак оставаться на месте, но поздно. После сна перепуганная женщина еще туго соображала, поэтому тут же открыла дверцу.

Нос не растерялся и запустил в образовавшуюся щель руку. Раздался леденящий душу женский крик. Даша попыталась закрыться, но не успела. Бандит свободной рукой толкнул дверцу и выволок ее наружу. У Матвея была возможность выстрелить в негодея из «Осы», но он не знал, как поведет себя бандит, испытал боль. Ведь причинить ему такой вред, чтобы он не смог больше что-то предпринять, Матвей не мог. Хотя Нос развернулся к нему спиной, попасть в затылок из травматика с такого расстояния тоже нереально, а когда рядом ни в чем не повинный человек, еще и опасно.

– Бросай сюда свою пушку! – обрадовался Рыжий.

– Ха! – вырвалось у Дохлого.

Нос прижал к груди голову Даши и развернулся к Матвею:

– Ты и эта сучка сейчас идете с нами!

– Уверен? – насмешливо посмотрел Рыжему в глаза Матвей, пытаясь понять, как далеко в случае чего готовы зайти эти парни. С одной стороны – лес, глухомань, а они приехали из самой Москвы, значит, готовы на многое. С другой – Обломкин тоже не дурак и наверняка ограничил их полномочия, ведь о поездке сюда знает много людей. Нет, избить эти трое до полусмерти могут. В этом случае они будут надеяться на благополучный исход дела, даже если события начнут развиваться не по сценарию, Обломкин просто обязан их откупить. А вот если они, не дай бог, кого-то убьют, расклад будет уже совершенно иным, и деньги иные, далеко не те, которыми располагает деляга.

«Нет, они приехали припугнуть и мне навалить», – сделал он вывод и дважды выстрелил в Рыжего, целясь в бедра. От неожиданности мужчина подскочил, взбрыкнув ногами, подобно танцору гопака, перевернулся в воздухе и рухнул на спину. Тут же вскочил, издал дикий вопль,

закашлялся и рухнул на бок. Сначала попытался подтянуть колени к животу, однако боль не дала этого сделать, и он выпрямился в струнку.

– У-уу! – завыл Дохлый, бросившись прочь.

Нос отпустил Дашу, но продолжал стоять, удивленно хлопая глазами. Увидев боковым зрением, как из палатки выбралась Марта, Матвей шагнул к нему. Завороженно глядя на мачете, бандит издал звук рвущейся бумаги и рухнул на колени:

– Не надо!

– Надо, дерьмо носатое! – и Матвей наотмашь залепил плоской частью мачете по уху бандита.

По-видимому, в какой-то момент Носу показалось, что ему отсекли ухо. Оглушенный ударом, он широко открыл рот и дико закричал. Одновременно с этим на штанах у него стало расти мокрое пятно.

– Матвей, ты что делаешь?! – закричала Марта и бросилась к бандиту.

Уверенный, что вся троица деморализована и не в состоянии пока причинить какой бы то ни было вред, он все же решил обыскать их, и не зря. У Носа в самодельной кобуре, спрятанной под рубашку, оказался травматический пистолет, переделанный для стрельбы боевыми патронами. У его дружка, продолжавшего стонать и хрипеть, в кармане лежал небольшой нож. Забрав весь этот арсенал, Матвей развернулся к кустарнику, в котором скрылся Дохлый.

– Эй, ты, если не выйдешь, я начну резать твоим дружкам пальцы!

– Матвей! – осуждающе округлила глаза Марта. Она сидела на корточках перед Носом и пыталась оторвать его руку от уха, чтобы посмотреть.

– Хорошо. – Матвей с невозмутимым видом направил стволы «Осы» в ногу Рыжего. Парень уже присмирел и лишь морщился, с шумом втягивая воздух через стиснутые от боли зубы. Однако, увидев, что ему грозит повторение ощущений, взвыл:

– Серый, выходи, урод, он бешеный!

Дохлого не пришлось долго ждать. Сначала над кустами появилась голова с прилипшими ко лбу волосенками. Испуганно моргая, парень вышел из укрытия:

– Я что, я ничего... Я случайно... Мы больше не будем.

– Оружие есть? – спросил Матвей, оглядывая горе-бандита.

Тот замотал головой, однако, уловив, что Матвей подался вперед, чтобы сделать к нему шаг, кивнул и запустил руку в карман.

– Медленно! – предупредил Матвей.

Парень извлек небольшой кастет, сделанный из водопроводного крана.

– Где вас только Обломкин таких набрал? – раздосадованный, что столкнулся с обычной шантрапой, спросил Матвей и повернулся к женщинам: – Останетесь здесь, а я с этими охладомонами пройду в лагерь к нашему общему другу.

Парни встали и сбились в кучу. Рыжий едва держался на ногах. Его заметно трясло, а по щекам ручьем бежали слезы.

– Вперед! – острием мачете показал Матвей в направлении вражьего стана.

– Если хочешь увидеть Обломкина, то зря, – неожиданно заговорил Нос, прижимая превратившееся в лиловый вареник ухо рукой. – Он с рассветом уехал. Показал нам, где ваша палатка, и укатил.

– Ну, что ж, – расстроился Матвей, – придется с ним в Москве встретиться. А вы покажите, где ваш транспорт.

– Зачем? – заподозрив неладное, спросил Нос.

– Здесь, – осуждающе посмотрел на него Рыжий и махнул в сторону луга.

– Ведите, – коротко произнес Матвей.

Хромая и постанывая, вся троица двинулась через кустарник к лугу. Машина, выдавший виды и покрытый рыжей пылью джип «Чероки», стоял на просеке.

– Посмотрим, на сколько выстрелов рассчитано твое оружие, – доставая переделанный «Макарыч», посмотрел на Носа Матвей и направил ствол в переднее колесо.

– Ты чего? – испугался Рыжий. – Зачем?

Проявив неслыханную смелость, Дохлый расставил руки и встал напротив Матвея, загородив машину. Что он этим хотел показать, Матвею было непонятно. Может, решил реабилитироваться в глазах своих дружков или уверен, что пистолет не выстрелит?

– Отойди! – глядя ему в глаза, потребовал Матвей.

Парень сник и отступил в сторону. Матвей выстрелил, и колесо тут же засвистело. Он расстрелял все четыре колеса, а оставшиеся патроны разрядил в радиатор.

– Теперь можете ехать.

– «Пушку» верни, – попросил Нос.

– Чего? – Матвей подумал, что ослышался.

– Пистолет, – затравленно покосился на Рыжего Нос, потом снова взглянул на Матвея и махнул рукой: – Это я так, пошутил...

Когда Матвей вернулся к палатке, то застал обеих женщин до смерти перепуганными. Он огляделся в поисках еще одного или даже двух бандитов, которые побывали здесь в его отсутствие.

– Матвей, – едва слышно проговорила Марта, – ты в кого стрелял?

Догадавшись, что подумали женщины, он решил слегка подшутить над ними:

– Все, эти парни больше никогда не причинят людям вреда...

– Ты их...

– Вы их убили? – прохрипела Даша.

– Он врет! – недоверчиво воскликнула Марта.

– Не вру, а шучу, – улыбнулся Матвей. – Собирайтесь, нам пора ехать.

Выйдя из подъезда, Колька вскрикнул, едва не налетев на Григория Яковлевича. Грузный мужчина жил этажом выше и в далеком детстве не раз трепал Кольку за разного рода хулиганистые выходки. Он был одного с матерью возраста и часто захаживал к ней в гости. Закрывшись в комнате, они могли сидеть там, в сизых клубах папиросного дыма, до утра, и, как Колька подозревал, не только распивать «беленькую». Он вообще считал, что этот увалень сыграл в его судьбе не последнюю роль, а может быть, даже что ни на есть первую. У них с дядей Гришей были одинаковые водянистого цвета глаза и широкие носы. Правда, на этом все сходство и заканчивалось. Колька – худой как смерть, а Терентьев, наоборот, тучный и грузный. К тому же любитель выпить, разбитной дядька очень страдал из-за своего веса и последние годы почти не выходил во двор. Пить он перестал после инсульта, на удивление слабо отразившегося на его внешности и физических данных. Григорий Яковлевич остался по-прежнему в ясном уме и твердой памяти и лишь слегка стал приволакивать при ходьбе правую ногу. Бурная молодость оставила на его лице отпечаток в виде сосудистой сетки, синюшного цвета кожи и мешков под глазами.

– О! – открыл он рот.

– Здорово, дядя Гриша! – выдохнул Колька, размышляя, как обойти не к месту возникшего на пути соседа.

– А что, мать дома? – навис над ним Терентьев, опираясь на отшлифованную от частого пользования палку.

– Дома, вернее, нет, – спохватился Колька, испугавшись, что он сейчас отправится к ней.

– Ты где пропадаешь? – продолжал между тем засыпать вопросами сосед.

– Работаю, – соврал Колька, чувствуя новый прилив слабости.

– Выглядишь не очень, – неожиданно заметил Григорий Яковлевич.

– После ночной смены, – разозлился Колька и проскользнул мимо него к выходу со двора.

Колька знал в районе почти все «точки», где можно было приобрести наркотик, был в авторитете у местных барыг, поскольку не подводил с оплатой и ни разу не был задержан полицией. А это много – значит, не могли опера, в обмен на свободу и послабления, вынудить его «сливать» им информацию или, того хуже, вынудить решиться на контрольную закупку. Поэтому, едва выйдя на улицу, он достал сотовый телефон и набрал номер Протокола. Парень был мелким сбытчиком, но работал только с проверенными клиентами и через «почтовый ящик».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.